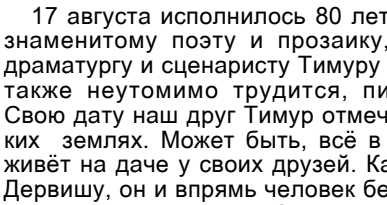

ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
АВГУСТ 2016 г. • № 8 (238) **ЦЕНА ДОГОВОРНАЯ**
Издается редакцией и Союзом писателей России

Владимир БОНДАРЕНКО

ВЕЛИКИЙ ДЕРВИШ

17 августа исполнилось 80 лет знаменитому поэту и прозаику, драматургу и сценаристу Тимуре Зульфикарову. А он всё также неутомимо трудится, пишет, пророчествует... Свою дату наш друг Тимур отмечает на родных таджикских землях. Может быть, всё в том же Зимчуруде, где живёт на даче у своих друзей. Как и положено великому Дервишу, он и впрямь человек без возраста.

Он и на самом деле мудрый Дервиш, и такой же бездомный, как положено Дервишу, лишь мечтающий о своем домике в Варзобском ущелье, который могли бы подарить своему таджикскому пророку власти родной республики. Кто бы как ни относился к нему лично, факт остаётся фактом – литераторов такого масштаба и с таким международным признанием у таджикского народа сегодня практически нет... Впрочем, мало таких ярких талантов и в России.

Он – достойный продолжатель династии Тимуридов слова. Он – архаист и новатор, авангардист и консерватор одновременно. Его близкий друг Владимир Личутин, сам северный кудесник слова, искренне считает, что: "Кровь восточная слилась в Зульфикарове с русской кровью, смешались языки, миры, причуды, затем. И все же жара Востока обошла стылый север: ибо родина бывает одна, и зов её, запечатленный тысячами милых с детства примет, куда сильнее, памятнее, подробнее, хмельнее будущей городской науки. Зульфикаров пишет на русском, но он таджик, и потому стихи гор куда приметливее, пространнее, сочнее стихов заснеженных новгородских равнин..."

Как и многие мировые открытия поэзии последнего времени он весь – на изломах своего времени, своего пространства.

Тимур Зульфикаров волюно мог существовать и чувствовать себя только в границах Империи, а если её нет, или уже нет, он продолжает её сам на страницах своих книг. Лишь имперскому поэту волюно бродить и по мусульманским, и по буддистским, и по христианским просторам, и нигде не быть чужим, везде находить пристанище, везде продолжать свою песнь. Кто её остановит?

В России живы пока ещё кудесники древних слов и понятий, среди них и Тимур Зульфикаров. Прикасаюсь к его перу, всё становится метафорическим, всё уходит в мистически хранимую вечность. Значит, жива ещё и великая

К 80-летию Тимура ЗУЛЬФИКАРОВА

русская литература. Его Восток – это уже понятый и принятый нами, русскими, Восток. Это наша Ойкумена, наша окраина всё ещё Империи. Её продолжает петь в своих песнях, сказах, мифах и поэмах рождённый в 1936 году в таджикском селении, но выросший в России и на русской литературе Тимур Касимович Зульфикаров.

По сути своей он прост, как просты и его песни, которые поёт очарованная его поэзией певица Ирина Ванн. Поёт и он сам свои песни на собственные стихи. Их невозможно не петь.

Только перенесись куда-нибудь вдаль, и по времени, и по пространству, чтобы не мешала нагрянувшая суета, и погрузись в караван его песнопений. Они всё о том же: о любви, о смерти, об одиночестве творца и о могуществе тирана. Что может молвить муравей, ползущий по пирамиде, да и заметит ли он её?

Он отражает своё имперское пространство, в котором проходит и вся наша жизнь. Он улавливает из древности живые духовные слова и оказывается, что они несут тот же смысл, что и раньше; его стихи-молитвы, стихи-заклинания, стихи-откровения о прошлом и настоящем становятся услышанными читателями, а значит, и сам он становится близок и дорог им.

Для меня он и внешностью своей, и поведением своим, неспешной гибкой поступью, всегда как бы являлся из мира далёких давних древних дремучих странствий. Меня его строчки всегда затягивали, зачаровывали, хотелось дойти до смыслового донышка всех его слов и понятий, до конца, до финала, которого, может быть, и не было в его бездонной поэзии. Мне он напоминал даже не Восток, а, скорее, Византию и византийский витиеватый стиль. Может там, в византийском гареме, евнухи пели сладким наложницам такие же медвяные и бесконечные сладостные видения и истории. При этом Тимур Зульфикаров – яркий поэт именно нашего времени.

Его улыбка поэтическая, его поэтическая мудрость – это хранилище души, о которую разобьётся не одна волна чёрных бесовских сил...

Что скрепляет воедино, что объединяет столь несоединимые понятия Востока и России в поэзии Тимура Зульфикарова? Лишь чувство великой Империи. Он болел им ещё с детства, он обречён на свою имперскость. "Поэт и империя, поэт и тиран, человек и Бог. Жизнь и загробные странствия неприкаянной души – вот главная тема моих поэм", – говорит он сам.

Поздравляем тебя, наш дорогой друг, с одной из твоих мудрых дат, твори и дальше свои великие песнопения!

ми, русскими, Восток. Это наша Ойкумена, наша окраина всё ещё Империи. Её продолжает петь в своих песнях, сказах, мифах и поэмах рождённый в 1936 году в таджикском селении, но выросший в России и на русской литературе Тимур Касимович Зульфикаров.

По сути своей он прост, как просты и его песни, которые поёт очарованная его поэзией певица Ирина Ванн. Поёт и он сам свои песни на собственные стихи. Их невозможно не петь.

Только перенесись куда-нибудь вдаль, и по времени, и по пространству, чтобы не мешала нагрянувшая суета, и погрузись в караван его песнопений. Они всё о том же: о любви, о смерти, об одиночестве творца и о могуществе тирана. Что может молвить муравей, ползущий по пирамиде, да и заметит ли он её?

Он отражает своё имперское пространство, в котором проходит и вся наша жизнь. Он улавливает из древности живые духовные слова и оказывается, что они несут тот же смысл, что и раньше; его стихи-молитвы, стихи-заклинания, стихи-откровения о прошлом и настоящем становятся услышанными читателями, а значит, и сам он становится близок и дорог им.

Для меня он и внешностью своей, и поведением своим, неспешной гибкой поступью, всегда как бы являлся из мира далёких давних древних дремучих странствий. Меня его строчки всегда затягивали, зачаровывали, хотелось дойти до смыслового донышка всех его слов и понятий, до конца, до финала, которого, может быть, и не было в его бездонной поэзии. Мне он напоминал даже не Восток, а, скорее, Византию и византийский витиеватый стиль. Может там, в византийском гареме, евнухи пели сладким наложницам такие же медвяные и бесконечные сладостные видения и истории. При этом Тимур Зульфикаров – яркий поэт именно нашего времени.

Его улыбка поэтическая, его поэтическая мудрость – это хранилище души, о которую разобьётся не одна волна чёрных бесовских сил...

Что скрепляет воедино, что объединяет столь несоединимые понятия Востока и России в поэзии Тимура Зульфикарова? Лишь чувство великой Империи. Он болел им ещё с детства, он обречён на свою имперскость. "Поэт и империя, поэт и тиран, человек и Бог. Жизнь и загробные странствия неприкаянной души – вот главная тема моих поэм", – говорит он сам.

Поздравляем тебя, наш дорогой друг, с одной из твоих мудрых дат, твори и дальше свои великие песнопения!

ТУМАН НАД ГОРАМИ

Туман над горами,
дыша словно птица,
В бездонной нирване
летит над землёй.
К вершинам заоблачным,
к селеньям заброшенным,
К тропинкам нехоженным,
к седым пастухам.
Там бродят медведи, и волки и козы,
И трутся носами
от братской любви.
Там бьются форели
в алмазных протоках,
А в сини небесной гуляют орлы.

Я там затеряюсь
с орлами и козами,
С волками и овцами;
я стану как брат.
Туман над горами,
дыша словно птица,
Крылатой нирваной
над миром парит.
Из царства земного
в небесное царство,
Ликуя и плача, вздыхая и радуясь,
Душа словно птица
летит и летит.

Господь мой, помилуй,
Продли эту птицу по имени Жизнь.

Туман над горами,
дыша словно птица,
В бездонной нирване
над миром парит.
Туман над горами, туман над горами,
Туман над горами парит и парит.

А бог над туманом
нас любит и ждёт...

Русского поэта и мыслителя Тимура Зульфикарова – с восьмидесятилетием!

"Рифму русский народ полюбил сразу" – заметил когда-то Фёдор Михайлович Достоевский. И любит до сих пор, что бы там не говорили московские тусовщики, на поэтические вечера которых приходят считанные единицы слушателей. До такой ситуации довели любителей поэзии мёртворождающие столичные поэты и критики своими выхолащиваемыми текстами, с бессодержательной игрой метафорами.

К сожалению, Москва поэтическая за последние годы мутировала в Москву банкиров и чиновников. И это закономерно.

Не имеем права проигрывать

Игорь ТЮЛЕНЕВ

но. *"Дурно пахнут мёртвые слова"*. В России слово всегда было на особом месте – в сердце и в душе. А в столице всё происходит, как у Гёте в "Фаусте":

*Кропанье пошлостей – большое зло,
Вы этого совсем не сознаёте.
Бездарных проходимцев ремесло,
Как вижу я, у вас в большом почете.*

Большой почёт – это современная мода на бездарность, ибо дар – от Бога, а бездарное творчество – от лукавого. Много стало модных стихотворцев, но что такое *"мода"* – обратное прочтение *"адам"*, ад зарифмован в обратную сторону.

Раскручивая *"таких"* писателей издатели решают таким образом свои рыночные проблемы, увеличивая тиражи разрекламированных пошлых, построенных на низменных инстинктах продажных книжек. Занимаются тиражированием зла, забывая слова поэта: *"Но без души и помыслов высоких живых путей от сердца к сердцу нет"*. Но русская литература выстоит!

Классическая русская литература подарила миру огромную душу – на весь земной шар хватает... До сих пор читают книги в сельских и поселковых библиотеках... А в русской глубинке выступление поэтов собирает полные залы...

Мучительно предчувствуя новое фатальное нашествие Запада на Россию, но и с вызовом предсказывая его обречённость, Пушкин восклицает:

*Вы грозны на словах – попробуйте на деле!
Иль старый богатырь,
покойный на постеле,
Не в силах завистить
свой измайловский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? или от Перми до Таверды,
От финских хладных скал
до пламенной Колхиды,
От потрясённого Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?*

Пушкин обращает к Западу довольно воинственную реву, схожую с жутковатыми словами Блока *"виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет в тяжёлых, нежных наших лапах?"*:
*Куда отделим строй твердых?
За Буг, до Ворсклы, до Лимана?
За кем останется Волянь?
За кем наследие Богдана?*

Лермонтов пишет "по случаю новой политической тревоги на Западе" (возникшей опять в связи с событиями в Польше) свою оду в том же роде, которая начинается со слов:
*Опять, народные витии,
За дело падшие Литвы,
На славу гордую России,
Опять, шумя, восстали вы.
Уж вас казнил мозучим словом
Поэт, воставший в блеске новом
От продолжительного сна,
И порицая покровом
Обел он ваши имена.*

Но всех удивил считавшийся абсолютным западником философ Чаадаев, который писал Пушкину: "Я только что прочел ваши два стихотворения. Друг мой, никогда ещё вы не доставляли мне столько удовольствия. Вот вы, наконец, и национальный поэт; наконец вы угадали свое призвание". Важнейшие слова, только проникнувшись русским духом, русской историей, русской судьбой, можно стать национальным русским поэтом. "Стихотворение к врагам России особенно замечательно; это я говорю вам. В нём больше мыслей, чем было высказано и осуществлено в течение целого века в этой стране... Не все здесь одного со мною мнения, вы, конечно, не сомневаетесь в этом, но пусть говорят, что хотят – а мы пойдём вперёд; когда найдена одна частица подталкивающей нас силы, то второй раз её наверняка найдёшь целиком. Мне хочется сказать себе: вот наконец явился наш Данте".

Этот отзыв Чаадаева – величайший триумф Пушкина, говорит Вацлав Ледницкий. Чаадаев, основоположник русского западничества, рукоплещет Пушкину по поводу написания им открытого антипольских и антизападных стихотворений: "Пришёл Александр Пушкин. О Вяземском он сказал, что он человек ожесточённый, айги, который не любит Россию, потому что она ему не по вкусу". По некоторым предположениям, именно Вяземский был адресатом незавершённого пушкинского послания:

*Ты просвещением свой разум осветил,
Ты правды чистый лик увидел,
И нежно чуждые народы возлюбил,
И мудро своё возненавидел.
Когда безмолвеня Варшава поднялась,
И бунтом опынела,
И смертная борьба началась,
При клике "Польша не згинела!",
Ты руки потирал от наших неудач,
С лукавым смехом слушал вести,*

нет читателя благодарнее, чем простой русский человек. Там нас действительно ждут.

Вся сила и мощь зреет в провинции. Мы самые крутые, мы самые талантливые, мы самые сильные! Об этом я всегда спорю с московскими поэтами и критиками. Поэзия развивается не по горизонтали, а по вертикали: от земли – к небу, от души к Богу...

Поэтому не важно, какое время и какое сейчас общество на дворе – для меня ничего не изменилось. Как писал, так и пишу, так, надеюсь, и дальше буду писать.

В первую очередь я просто без этого (поэзии) уже не могу жить, а уж потом можно и высказаться, и создавать произведение искусства, по мере того, сколько тебе таланта отпустил Господь. И всё...

Все поколения в России всегда жалуются на плохую молодёжь и слабую литературу. Но литература отражает состояние сегодняшнего общества! Что на зеркало пенять, если рожа кривая? А Бог не умер, как говорил Фридрих Ницше. Просто Господь воскресает в мятущихся русских душах в очередной раз!

В поэзии нужно быть солдатом. Поэзии нужно служить – помня о долге, верности и чести.

Русская поэзия – это, конечно, червлёное знамя, это цвет крови, цвет солнца, цвет жизни, цвет огня. Европейская поэзия? – Наверное, бледное какое-нибудь знамя, больше переходящее в голубизну... Поэтому там поэзии нет.

А в России поэзия была, есть и будет, такая же яркая и горячая, как и её знамя, ибо под таким знаменем она никогда не будет бездушной, скучной и пустой!

В поэтическом Остестве в одном поколении могут творить не более десяти настоящих поэтов. Вспомним Золотой и Серебряный век русской поэзии... Наше время не исключение.

(окончание на стр.3)

*Когда бежали кони вскачь,
И глбо знамя нашей чести.*

Хочу отметить, что все эти гениальные стихи, посвященные России и отвергающие чужой Запад, написаны не верноподданныческими стихотворцами, а вполне независимыми, а то и оппозиционным по отношению к власти поэтами, от Пушкина до Блока, от Лермонтова до Бродского. Даже упрекаемый ныне либералами за свою приверженность к русской государственности Тютчев писал по отношению к конкретным царедворцам самые жесткие строки. Известна его гневная и желчная эпиграмма-эпитифия Николаю I:

*Не Богу ты служил и не России,
Служил лишь суеде своей,
И все дела твои, и добрые и злые,
Всё было ложь в тебе, всё призраки пустыне:
Ты был не царь, а лицедей.*

Поэт прекрасно видел нарастающую русофобию Европы, и писал о ней:
*Теперь тебе не до стихов,
О слово русское, родное!
Созрела жатва, жнец готов,
Настало время неземное...
Ложь воплотилась в булат;
Каким-то Божиим попущеньем
Не целый мир, но целый ад
Тебе грозит ниспроверженьем...
Все богохульные умы,
Все богомерзкие народы
Со дня воздвиглись царства тьмы
Во имя света и свободы!
Тебе они готовят плен,
Тебе пророчат посрамленье,
Ты – лучший, будущих времен
Глагол, и жизнь, и просвещение!*

Поэт ехидно высмеял всё ту же Турцию, которую, как и сегодня, веками натравливали наши западные соседи на Россию, стремясь её руками taskать русские каштаны из огня. Тютчев написал самое ядовитое стихотворение по этому поводу:

*Флаги веют на Босфоре,
Пушки празднично гремат,
Нам ясно, блещет море,
И ликует Цареград.
И недаром он ликует:
На волшебных берегах
Нынче весело пирует
Благодушный падишах.
Угощает он на славу
Милых западных друзей
И свою бы всю державу
Заложил для них, ей-ей.
Из премудрого далёка
Франкистанской их земли
Погулять на счёт пророка
Все они сюда пришли.
Пушек гром и мусики!
Здесь Европы всей привал,
Здесь все силы мировые
Своей спраеляют карнавал.*

И не от тютчевских ли предвидений и мечтаний о русской географии произошли все позднейшие русские имперские стихи:

РУССКАЯ ГЕОГРАФИЯ

*Москва, и град Петров, и Константинов град
Вот царства русского заветные столицы...
Но где предел ему? и где его границы
На север, на восток, на юг и на закат?
Грядущим временам судьбы их обличат...
Семь внутренних морей и семь великих рек...
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная...
Вот царство русское... и не преждёт вовек,
Как то провидел Дух и Даниил предрек.*

Спустя сто лет уже молодой советский поэт Павел Коган, отталкиваясь от тютчевских заветов, писал свои пламенные имперские стихи.

(окончание на стр.4)

Владимир БОНДАРЕНКО

Россия и Запад

русском народе. Надо признать, что Редьярд Киплинг был прав, когда писал:
*Запад есть запад,
Восток есть восток,
Не встретиться им никогда.
Лишь у подножья
Престола Божья
В день страшного суда.*

Русская цивилизация – центрообразующая. Ведь как констатировал тот же Редьярд Киплинг, "Только в России духовности исток".

Евгений Вертлиб написал: "Где-то с XVI века Россия "евразийствует": переинтегрирует материально-духовное пространство, с учётом "культурной автономии". Евразиец Петр Бицилли в 1922 году писал: "концепции истории Старого Света, как истории дуэли Запада и Востока, может быть противопоставлена концепция взаимодействия центра и окраин, как не менее постоянного исторического факта". Символу миссии России – "шиту" он не противопоставляет другой её символ "путя", а дополняет один другим. Россия – наследница империи Чингисхана (переработанной в Иране, Китае, Индии туранско-монгольской стихии) и своей праматери Византии. "Россия есть целая часть света, огромный Восток-Запад, одна соединяет два мира. И всегда в русской душе болелись два начала, восточное и западное" – писал философ Николай Бердяев. Она творчески осуществляет синтез восточных и западных культур. Ей сам Бог велел стать межкультурным мостом и консолидатором равноправных и суверенных миров. Должно воссиять Мономахово "государство правды" – соответствие действий социально-политической "вертикали власти" духовным представлениям народа о справедливости, спасении, добре. Государство и Церковь выполняют общечеловеческую миссию: вместе с народом осуществляют преобразование мира. Митрополит Илларион предсказывает русским великое духовное будущее, применяя к ним евангельскую истину "последние станут первыми", имея в виду, что русские последними среди европейских народов приняли христианство, но им суждено превзойти все остальные народы в истовости и чистоте веры..."

И это было заложено уже изначально природным и духовным противостоянием. Мы, русские, легче найдем общий язык с мусульманами, с теми же татарами, башкирами, и с буддистами, они оказались нам ближе, чем те, кто приблты или полтаки, или даже болгары, вечно нас предающие.

2 августа 1831 года Пушкин создал свою знаменитую оду "Клеветникам России", ставшую символом отношений России и Запада. Это сти-

хотворение, вместе с добавленной к нему немого позднее "Бородинской годовщины" – основа в самом вековом споре, имевшим, может быть, важнейшее значение для национального самосознания России. В пушкинском стихотворении вопрос об исторической судьбе России поставлен с ослепительной резкостью и прямо-

той. Александр Пушкин писал кн. Голицыну, делавшему перевод стихотворения на французский язык: "Тысячу раз благодарю вас, милый князь, за ваш несравненный перевод моего стихотворения, направленного против недругов нашей страны. <...> Отчего вы не перевели эту пьесу в своё время – я бы послал её во Францию, чтобы щёлкнуть по носу всех этих крикунов из Палаты Депутатов". Пушкин воспринимает воинствующие выступления французских депутатов в Палате как прямой призыв к вооруженному нашествию Запада на Россию, и в па-

мти его возникает призрак 1812 года. Пушкин и начинает свою оду с прямого обращения к этим "крикунам из Палаты Депутатов":
*О чём шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмущало вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор,
уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.*

Поэт и впрямь думал: "Для нас мятеж Польши есть дело семейственное, старинная, наследственная распря, мы не можем судить её по впечатлениям европейским, каков бы ни был впрочем наш образ мыслей". Пушкин искренне считал польский вопрос внутренним делом России, в которое Европа не может и не должна вмешиваться:
*Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непоянтна, вам чужда
Сия семейная вражда;
Для вас безмолвны Кремль и Прага.
Бессмысленно прельщает вас
Борьба отчаянной отваги
И ненавидите вы нас...
За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
...За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царством кумир
И нашей кровью искупили
Европы волюнство, честь и мир?*

"Европа в отношении России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна", – писал Пушкин. Поэт как бы напоминает Западу о том, что именно Россия сокрушила Наполеона. Видна закономерность в том, что на Западе время от времени появляются завоеватели, которые объединяют Запад полностью или частично, после чего вторгаются в Россию. Её подметил ещё Ломоносов; в своей Оде 1748 года он пишет о Карле XII, разбитом под Полтавой:
*Здесь Днепр хранил мои границы,
Где готф гордящийся упал
С торжественными колесницами,
При коий в узах он держал
Сарматов и саконов пленных,
Вселену в мыслях вознесенных
Единой обрацал рукой.
Но пал, и звук его достигнул
Во все страны, и страхом деицнул
С дунайской Вислу быстройю.*

(Спустя чуть ли не триста лет этого же Карпа вспомнит и Иосиф Бродский.)